

В Совет по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук Д 212.199.32,
созданный на базе Российского
Государственного педагогического университета
им. А.И.Герцена

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Юлии Валентиновны Балакшиной *«Диалог светской культуры и церкви в России XIX – XX веков: литературные формы, исторические этапы»*, представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

В течение уже более четверти века взаимоотношения русской литературы Нового Времени и церкви привлекают пристальное внимание литературоведов. В этой области сделано, казалось бы, достаточно много, однако среди сделанного немало и суетного, и научно неубедительного, и бездоказательного; нередко филологический анализ подменяется идеологическими декларациями и эмоциональными оценками. Подлинно основательных свершений в данной сфере, все же не так уж и много. Поэтому особенно отрадно сразу же заявить, что вынесенная ныне на защиту диссертация как раз и принадлежит к таким бесспорно серьезным научным достижениям; и говорить о ней следует тоже абсолютно всерьез.

Действительно, исследование Ю.В. Балакшиной *«Диалог светской культуры и церкви в России XIX – XX веков: литературные формы, исторические этапы»* лишено многих обычных недостатков, свойственных литературоведческим штудиям, посвященным изучению контактов церкви и секуляризированной словесности – впрочем, их часто лишь с большой натяжкой можно квалифицировать как литературоведческие. Недостатков, о которых с вполне понятной тревогой писал уже почти двадцать лет назад С.Г.Бочаров (замечу в скобках, что Ю.В.Балакшина не без сочувствия излагает его позицию в самом начале собственного труда). Диссертант не

стремится переписать историю литературы в угоду примитивно понятому христианству, ставшему уже псевдорелигиозностью, агрессивной в своем невежестве; не ставит она перед собою и задачи увидеть в русских писателях елейных богомольцев или же, наоборот, врагов Церкви Христовой. Цель ее работы другая, и строго научная – постараться разобраться в характере, направленности и типах тех сложных процессов, которые определяли диалог церкви и литературы в XIX – XX столетиях – хотя бы в некоторых его регистрах.

Достижение такой цели требует не только высокого профессионализма и трудолюбия, чем автор рецензируемого сочинения наделен в полной мере, но качеств более редких. В частности, от ученого, пишущего на темы, подобные тем, которых касается Ю. В. Балакшина, требуется, с одной стороны, быть причастным своему предмету, т.е. не просто обладать необходимой суммой религиозных знаний, но и ощущать их – если так позволительно выразиться, оставаясь в пределах научного дискурса – собственной душой. Религиозные представления должны быть для него частью жизни – имею в виду, конечно, не внешние проявления и уж тем более не конфессиональную принадлежность, а понимание реальности, значимости и направленности духовных переживаний; в противном случае исследователь не сможет адекватно их интерпретировать, примеров чему – легион. С другой стороны, ему необходима определенная венаходимость по отношению к объекту изучения, иначе его анализ утратит научный характер. Преодоление такого парадокса – вещь трудная и удается оно нечасто. В случае с Ю. В. Балакшиной – пусть и с оговорками – но можно все-таки сказать, что в целом это преодоление (хотя бы отчасти) произошло. Диссертант находится и внутри предмета собственного исследования, и одновременно, видит его извне. И это делает ее герменевтические решения глубокими и требующими внимательного к себе отношения.

Конкретным способом диалектического снятия противоречия, с которым только что шла речь, стал в диссертации выбор предмета исследования – это автодокументальные тексты особой жанровой организации, которые не просто свидетельствуют, по мнению Ю. В. Балакшиной, об активном диалоге между светской словесностью и церковью, но и – что особенно важно – отражают рефлексию автора над собственным текстом. В этих произведениях, таких как «Авторская исповедь» Н.Б.Гоголя или же «Дневники» прот. Александра Шмемана, выражены религиозные представления их создателей и, в то же самое время, эти представления

оказываются предметом отвлеченного рассмотрения. Такая двойная перспектива исследуемых текстов как бы переходит в посвященное им научное сочинение, позволяя диссертанту и сочувственно сопереживать выделяемым ею проблемам, и отстраненно (пусть и не всегда в полной мере отстраненно) их анализировать на литературоведческом языке.

Поставленная диссертантом исследовательская цель и выбранный ею материал определяют основные задачи диссертации, четко сформулированные на первых ее страницах. В самом общем виде, объединив, их можно определить, во-первых, как попытку охарактеризовать общие принципы диалога церкви и светской литературы на протяжении почти полутора столетий и, во-вторых, как стремление описать некоторые различные и притом исторически обусловленные типы данного диалога в русской словесности XIX – XX веков. Решение этих задач определяет композицию работы: диссертация Ю.В.Балакшиной состоит из обширного теоретически насыщенного введения, трех глав и заключения. Главы посвящены анализу трем выделяемым автором (в качестве важнейших) этапов интересующего ее культурного диалога, причем каждый этап репрезентирует какой-то свой, особый тип взаимодействия церкви и литературы. Благодаря этому в диссертации успешно решаются задачи как исторического, так и типологического освещения проблемы.

Первая глава – *«XIX век: «Обновление художества в живой струе христианства» < Авторская исповедь > Н.В.Гоголя»* – как явствует из ее названия, посвящена литературной ситуации второй четверти XIX столетия. Вторая переносит нас на рубеж XIX – XX веков; в ней идет речь о гомилетическом и эпистолярном наследии участников движения ревнителей церковного благочестия. Третья переносит нас в середину – вторую половину XX столетия и носит название *«XX век: «Религиозная культура... – вот тот плод, который зреет в истории». Синтез церковного и светского в «Дневниках» прот. Александра Шмемана»*. Главы в свою очередь членятся на параграфы, что способствует последовательности и ясности разрешения конкретных проблем в каждой из них. А они действительно насыщены и проблемами, причем совсем различных свойств, и материалом. Последнее хочется особо выделить – в своем исследовании Ю.В.Балакшина предстает не только как тонкий интерпретатор и способный к большим обобщениям историк, но и как неутомимый источниковед; очень многие ее положения основываются на рукописных источниках, а введенные ею в научный оборот материалы впечатляют. В первую очередь это относится ко второй главе

(«Рубеж XIX – XX веков; «Помирятся ли...оба брата?» Гомилетическое и эпистолярное наследие участников движения ревнителей церковного благочестия»), но не к ней одной.

Все сказанное, как представляется, в достаточной мере аргументирует ту высокую оценку диссертации Ю.В.Балакшиной, которая содержалась в первых же фразах моего отзыва. Перед нами в высшей степени основательное и масштабное исследование, в котором способность панорамного освещения разнообразного материала, разнообразного и хронологически, и жанрово, и художественно, счастливо соединяется с умением анализировать отдельные тексты и находить новые историко-литературные факты. По своему калибру диссертация Ю.В.Балакшиной безусловно соответствует уровню докторской диссертации. Она имеет несомненное теоретическое значение, состоящее, прежде всего, в создании основательной и философски достаточно аргументированной концепции общих принципов взаимодействия секуляризированной словесности и церкви; данная концепция, конечно, не является полностью оригинальной; она, скорее представляет собою компиляцию уже существующих теорий. Однако в целом убедительное соединение этих теорий в единое теоретическое поле само по себе является немалым достижением. Кроме того, следует отметить и важность методологических установок диссертанта, о чем уже говорилось выше – и достаточно подробно. Исследование Ю.В.Балакшиной имеет и очевидное практическое значение; полученные в ходе работы результаты могут (и должны) активно использоваться в обобщающих трудах и в лекционных курсах по истории русской литературы, истории русской православной церкви, духовной истории России и т.п. (тем самым можно смело говорить о интердисциплинарном значении диссертации). Полезны эти результаты будут и при комментировании целого ряда произведений художественной литературы. Обширный новый материал, введенный диссертантом в научный оборот, так же как и оригинальные интерпретации художественных и документальных текстов или же ряда культурно-исторических ситуаций придают диссертации необходимую для сочинений такого рода научную новизну.

При этом, некоторые положения диссертационного исследования Ю.В.Балакшиной по-моему мнению требует определенных корректировок, причем – немалых, или же вызывают прямое несогласие. Остановлюсь на этом, напомнив сказанное в самом начале: серьезность работы требует серьезности и в разговоре о ней. Начну скорее с мелочей: во Введении, на с.

28, размышляя о трансформации понятия «образ» в «новоевропейской светской культуре», автор приводит подряд, так сказать, через запятую, суждения Г.-Ф.Гегеля, Ф.-В.Шеллинга и...В.В.Бычкова. Цитата из учебника (!) последнего кажется не только излишней, но и не лишенной неловкости: при всем уважении к Виктору Васильевичу Бычкову, в одном ряду с Гегелем и Шеллингом он выглядит несколько неловко. Я бы не говорил об этой действительно мелочи, если бы не то, что в диссертации подобные странноватые сближения возникают не раз. Все же следовало бы проявить большую строгость в выборе авторитетов, тем более, что отсылки к ним многочисленны в более чем достаточной степени (это касается теоретических фрагментов работы). Так же автору время от времени изменяет чувство историзма: в работе неоднократно используются для объяснения тех или иных особенностей диалога церкви и литературы в XIX – XX веках положения и концепции, разработанные на совершенно другом историческом материале, например идеи С.С.Аверинцева. Вряд ли судьбы ближневосточной словесности в античную эпоху, так же как и особенности ранневизантийской литературы, прямо соотносятся с русской литературой Нового Времени.

Кроме того, в диссертации иногда некритически повторяются достаточно распространенные, однако вызывающие глубокие сомнения утверждения, причем повторяются в такой форме, которая сомнения лишь усиливает. Так, в самом начале первой главы (с.61 и далее) говорится о расколе русской культуры на светскую и церковную, расколе, едва ли не важнейшим катализатором которого оказались реформы Петра Первого. Вместе с тем, разрыв между этими составляющими национальной духовной жизни был более чем относительным вплоть до А.С.Пушкина – о чем свидетельствует целый ряд весьма разных исследований. Тут, правда, стоит заметить, что сам диссертант в ряде своих комментариев существенно смягчает собственное утверждение.

Перейду к более существенным вещам. Пожалуй, на трех моментах хотелось бы мне сосредоточиться в полемике с Ю.В.Балаксиной. Во-первых, рассматриваемый ею материал не просто разнороден, в известном смысле он разноприроден; поясню, что имею в виду. Первая и третья главы посвящены бесспорно автодокументальным текстам, причем, при всех вопиющих различиях «Авторской исповеди» и «Дневников» прот. Александра Шмемана очевидна и их внутренняя близость как художественных феноменов одного порядка. Но вот словесные опыты петербургских священников начала XX

столетия, таких как свящ. Иоанн Егоров или Константин Аггеев располагаются в другой плоскости. Так, церковную проповедь вряд можно назвать автодокументальным текстом. Да и автобиографизм писем имеет, все же, иную природу, нежели исповедальный жанр. Думается, возможность обращения к этому материалу, как и правомерность второй главы в общем ходе исследования, следовало бы обосновать полнее и осторожнее. Во-вторых, в диссертации, при всей тонкости и убедительности анализа «Дневников» прот. Александра Шмемана явно в недостаточной мере учитывается воздействие на него европейской, прежде всего, французской, литературы. Вместе с тем, сам текст «Дневников» свидетельствует о важности для их автора европейской литературной традиции в ее отношении с христианством. Рассмотрение «Дневников» исключительно в контексте русской словесной культуры неизбежно приводит к искажению перспективы; не стоит забывать, что прот. Александр Шмеман был не только русским по происхождению, но, отчасти, и воспитанником европейской культуры и священником американской православной церкви – последнее было для него чрезвычайно важно. Вообще применительно к нему говорить о диалоге литературы и церкви в России можно лишь с очень существенными оговорками: его деятельность, все же, развивалась не в русском церковно-культурном пространстве. Тут попутно отмечу, что в диссертации почти не указываются западноевропейские параллели рассматриваемым в ней явлениям русской словесности, в результате чего возникает представление – замечу – совершенно ложное, что для Западной Европы подобная проблематика была нерелевантна. Сопоставление, хотя бы самое беглое, например, Н.В.Гоголя с Ф.-Р.Шатобрианом, сразу бы внесло необходимые коррективы. И, наконец, третье. Одно из центральных положений третьей главы диссертации состоит в утверждении синтеза церковного и светского в «Дневниках» прот. Александра Шмемана. Не могу с этим согласиться. И в «Дневниках», и в других своих сочинениях прот. Александр Шмеман постоянно стремился к такому синтезу, но достигнуть его не мог, что, между прочим, объяснимо, учитывая характер и направленность религиозного мировоззрения выдающегося богослова в его динамике. И в своих «Дневниках» он не раз констатировал – пусть и косвенно – ускользание этого синтеза от его творческого сознания.

Впрочем, это действительно в высшей степени спорные вопросы. Да и другие мои замечания и уточнения носили дискуссионный характер и несколько не умаляли достоинств рецензируемой работы, представляющей, как уже говорилось, значительный вклад в науку. Диссертация Юлии Валентиновны Балакшиной *«Диалог светской культуры и церкви в России*

XIX – XX веков: литературные формы, исторические этапы», представленная на соискание ученой степени доктора наук, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, вносящее существенный вклад в литературоведение. Автореферат и многочисленные публикации автора (среди них – две монографии и семнадцать статей в изданиях, включенных в «Перечень рецензируемых научных журналов» ВАК РФ) полностью отражают содержание проделанного труда. В связи с этим ответственно заявляю, что диссертация «Диалог светской культуры и церкви в России XIX – XX веков: литературные формы, исторические этапы» полностью соответствует требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», № 842 от 24 сентября 2013 года, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор Юлия Валентиновна Балакшина безусловно заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
истории русской литературы
ФГ БОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
24 марта 2016 года

П.Е.Бухаркин

Подпись *руки П.Е. Бухаркина*
УДОСТОВЕРЯЮ

Университетская наб. д.11,
Санкт-Петербург, 199034,
Тел. (812)328 08 42
e-mail: petrbukharkin@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ
С ПЕРСОНАЛОМ

